

А. А. АКСЁНОВА

Понятие объекта у Фреге, Гуссерля и Витгенштейна

В данной работе мы обращаемся к рассмотрению понятия объекта в аналитической философии. Так широко и неопределенно сформулированная тема вынуждает сразу сделать оговорку. Имеется в виду не полный обзор данного понятия в философии, а лишь прояснение разницы взгляда на данную проблему конкретно заявленных философов, определение и формулировка собственного понимания в данном вопросе.

В аналитической философии Г. Фреге формулирует следующие взаимосвязанные вопросы: что такое логический объект? Что такое логическая объективность? Что такое закон логики? Рассмотрение этих вопросов становится доказательством определения числа как объема равночисленных понятий. Свои размышления Фреге начинает с утверждения, что не всякое знание является эмпирическим. Это вытекает из фундаментальных для теоретического и эмпирического знания существования априорных и аналитических истин арифметики. Без них невозможно апостериорное обоснование, связанное с индукцией. По мысли Фреге в каждой идее существует то, что связывает ее с порождающим субъектом, мысль делает идею субъективной, и связывает ее с другими субъектами и объектами, поэтому мысль — это и есть логический объект. Понятие объекта Фреге определяет как формальное содержание суждения, то есть мысль, которая не зависит от внешнего мира и способности чувственного созерцания.

Чисто логический характер объектов Фреге обусловлен отсутствием пространственно-временных характеристик мысли. «Однако быть может, на это возразят, что даже если Земля и на самом деле непредставима, она все-таки является внешней вещью, занимающей определенное место; но где находится число 4? Его нет ни вне нас, ни в нас. В пространственном смысле

последнее понимается правильно. Определение местонахождения числа 4 не имеет смысла; но отсюда вытекает только то, что оно не является пространственным предметом, а не то, что его вообще нет»¹.

Но стоит учитывать, что объективность мыслей лишь логическая, ибо не гарантирует реального существования мыслимых вещей. Вот что пишет Фреге: «Экватор часто называют *мысленной* линией, но было бы ложным назвать его *выдуманной* линией; он не является результатом душевного процесса, возникшим посредством мысли, но лишь познается, схватывается посредством мысли»².

Если говорить о логической объективности мыслей, то следует различать мысль и вымысел. Интерсубъективность объективного исключает развитие (домысливание) исходного утверждения. Всё, что возникает помимо объективного факта — является уже продуктом творческой деятельности субъекта и потому выходит за пределы объективности. Можно ли назвать логику наукой о законах истины, если истина добывается только приложенным к ее поиску трудом субъекта? Область мыслимого и исчислимого включает все логические объекты. Логические законы распространяют свою истинность на все вещи универсума как строго универсальные утверждения, а значит, логика является наукой о законах истины.

Логические объекты задаются контекстом тех предложений, в которые входят утверждения с их собственными именами и не могут быть даны с помощью интуиции или созерцания. В этом фрагменте из «Основоположений арифметики» Фреге вводит сам контекстный принцип значения: «Стало быть, непредставимость содержания слова не является основанием лишить его всякого значения или исключить из обихода. Противоположный взгляд, вероятно, возникает вследствие того, что мы рассматриваем слова изолированно, а потом спрашиваем об их значении, за которое затем принимаем представление. Таким образом, кажется, что слово, которому недостает соответствующего внутреннего образа, не имеет содержания. Необходимо, однако, всегда учитывать полное предложение. Только в нем слова обладают подлинным значением. Внутренний образ, который при этом как бы витает, не обязательно соответствует логически составной части суждения. Достаточно, если предложение имеет

¹ Фреге Г. Основоположения арифметики. Логико-математическое исследование о понятии числа / Пер. В. А. Суровцева. Томск: Водолей, 2000. С. 51.

² Там же. С. 32.

смысл как целое; благодаря этому свое содержание получают также и его части»³.

Данная мысль пересекается с наблюдениями Л. Витгенштейна. Он называет философию критикой языка в связи с ошибочным представлением людей о работе языка в попытках зафиксировать, выразить результаты исследования в теориях и предположениях. Всегда существует то, что не может быть высказано (проблема мистического ставится в «Трактате» как онтологическая проблема). Философское «Я» — это не человек, не человеческое тело, а метафизический субъект, являющийся не частью, а пределом мира.

Ранняя концепция («Логико-философский трактат») вдохновлена идеями формализованного логического анализа языка, которые представлены в трудах Г. Фреге и Б. Рассела. Поздняя концепция («Философские исследования») возникла в результате поиска приемов прояснения концептуальных проблем философии средствами естественного языка. Обе концепции связаны языковым подходом к философии. Философия предстает как «проникновение» в работу языка и преодоление постоянно порождаемых им «призраков».

В понимании Витгенштейна целью философии является обретение ясного представления о мире, в том числе и через «критику языка», которая может изменить и самого человека, а не просто повысить его уровень знаний. Этот путь изменения самого человека связан с приобщением к молчанию. То есть этическое обретает определенные границы между тем, что известно (и об этом высказывается предельно ясно) и о том, что не может быть сформулировано, образцы формулой, найти свое выражение (и об этом следует умалчивать).

Мир, который располагается в логическом пространстве, разбивается на факты, структура этих фактов складывается структурами ситуаций. Ситуации — это ничто иное как комбинации объектов. Объект обладает свойством вхождения в ситуации такое свойство это и есть форма объекта. Подлинную «субстанцию мира» представляют собой как раз простые объекты, которым соответствуют имена. А. Ф. Грязнов дает следующую характеристику витгенштейновских объектов: «Объект есть нечто абсолютно простое, а, следовательно, это не предмет или вещь, которые таковыми принципиально не могут быть, а понятие, служащее для обозначения формального аналога языковой единицы — имени»⁴.

³ Там же. С. 51.

⁴ Грязнов А. Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна. М., 1985. С. 26.

С точки зрения Витгенштейна, мысль — это логический образ факта, а предложение — чувственно воспринимаемое выражение мысли. В предложении сосредоточена комбинация имен объектов, которые представляют собой факт. Но имя несет в себе только значение, а не смысл.

Имя, выступая вместо именуемого объекта, играет роль именуемого объекта в предложении. Предложение же не может считаться именем факта по той причине, что каждому факту соответствует, по крайней мере, два предложения — истинное и ложное. Мир и язык оказываются отражениями друг друга, причем это отражение происходит на двух уровнях: 1) на уровне имен и объектов отражение мира и языка является зеркальным, 2) на уровне предложений зеркальность нарушается, так как предложения могут быть образами возможных фактов. Совокупность же всех элементарных предложений является отображением всех ситуаций в мире. Язык — это образ мира.

Структура языковой системы соответствует структуре предложений, к структуре которых относится intersubjectively передаваемый смысл. Коммуникация превращается в кодирование, передачу и декодирование сообщений о состоянии вещей в том виде, в котором они благодаря априорно идентичной для всех структуре языка могут быть представлены в предложениях.

«Итак, — пишет З. А. Сокулер, — оказывается, что Витгенштейн не строит в «Трактате» никаких концепций языка как образа реальности. Он сам предупреждает, что все эти утверждения бессмысленны. Почему Витгенштейн не разъяснил, что является простым объектом? Почему у него нет развернутого обоснования тезиса об образной природе языка? Потому что все рассуждения «Трактата» — это только ступеньки лестницы, ведущей к. чему? Созерцанию мира как целого? Мистическому переживанию существования мира, которое снимает вопрос о смысле жизни? О чем нельзя говорить, о том надлежит молчать. Сумевший понять должен, как утверждает Витгенштейн, отбросить все сказанное в его книге как ставшую уже ненужно лестницу»⁵.

Все объекты универсума отождествляются и различаются благодаря отношению равенства. Фреге вводит критерий равенства для высказываний, содержащих числа: «Число, соответствующее понятию F, является тем же самым, как и число, соответствующее понятию G»⁶. При этом Фреге ссылается на Лейбница:

⁵ Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн в философии XX века. М., Долгопрудный, 1994. С. 161.

⁶ Грязнов А. Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна. С. 43.

«Тождественные [объекты] суть те, один из которых может быть поставлен вместо другого с сохранением истинности [всего отношения]»⁷. Данное заимствование свидетельствует о том, что Фреге не различал отношения равенства и тождества. Причина этого в том, что в каждое определение он рассматривал как равенство.

Сопоставление взглядов Фреге и Э. Гуссерля позволяет нам прийти к выводу, что оба исследователя фиксируют мир в качестве имманентной данности (для Гуссерля — в сознании, для Фреге — в языке). В обоих случаях смысл является основным объектом исследования, которому приписывается статус идеального бытия, утверждается возможность непосредственного «схватывания» этого элемента в особом интеллектуальном опыте. На основе идеального статуса смысла Фреге и Гуссерль проводят четкое различие между представлением, которое сопутствует схватыванию смысла и «схватыванием» самого смысла. Такая идея вполне соответствует размышлениям Фреге: «Представление субъективно: представление одного человека не то же, что представление другого <...> у художника, наездника и зоолога с именем “Буцефал” будут связаны, вероятно, очень разные представления. Тем самым представление существенно отличается от смысла знака»⁸.

Взгляды Гуссерля и Фреге объединяет понимание отношения смысла к самостоятельной мировой предметности. Смысл определяет способ принятия предмета во внимание иначе говоря: тематизирует обсуждаемый предмет. Здесь нужно заметить, что для Гуссерля это очень важный момент: смысл — это не ярлык, который наклеивается на уже данные в ощущениях предметы, смысл всякий раз впервые структурирует вещи, формирует мир. Сам Фреге не обращался к этим вопросам так пристально, как Гуссерль, однако его последователи на основе теории смыслов языковых структур пришли к выводам, что в процессе словоупотребления общих терминов и имен собственных формируются принципы тематизации. В вопросе о реальном существовании или несуществовании предметов, сформированных смыслом, сам смысл остается индифферентен. По мнению Фреге смысл знакового комплекса — это нейтральная данность, которая не подлежит таким оценкам как истинное или ложное. В этом вопросе аналогична позиция Гуссерля: смысл усматривается вне зависимости от реальности существования предмета. Таким

⁷ Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1984. С. 632.

⁸ Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн в философии XX века. М., Долгопрудный, 1994. С. 34–35.

образом, можно еще раз убедиться в наличии общих точек соприкосновения трудов Фреге и Гуссерля.

Как утверждает Фреге, незнание логики естественного языка и структуры его смыслового содержания является одной из основных и первостепенных причин возникновения парадоксов и противоречий в философских рассуждениях. В этом смысле именно Фреге по праву можно считать, наряду с Расселом и Витгенштейном, одним из основоположников аналитической философии. Работы Фреге оказали значительное влияние на Гуссерля (побудив его отказаться от психологизма в философии математики и в логике), на Рассела, Карнапа и Витгенштейна, на целые поколения ученых XX в., во многом определив облик современной логики.

К общим чертам такой философии можно отнести 1) строгость в использовании терминологического аппарата, 2) недоверие к спекулятивным рассуждениям, 3) важность процесса аргументации. Теоретическая философия конца XIX — начала XX в. оказала влияние на формирование современной философии языка, выступая против психологизма и спекулятивного идеализма.

Путь между психологизмом и абсолютным идеализмом попытались найти феноменология, герменевтика и аналитическая философия. Это привело к постановке проблемы смысла, который получает свое бытие в языке, а язык, в свою очередь, начинает трактоваться как способ самовыражения жизни.

Наиболее явными свидетельствами поиска новых путей в философии стали логическая редукция Рассела и феноменологическая редукция Гуссерля. Ученик Дж. Буля С. Джевонс выдвинул идею о том, что первична именно логика, а не алгебра, которая на самом деле — лишь частный случай логики. Эта идея и стала ведущей в работе Фреге.

Обобщая наши наблюдения, можно ещё раз подчеркнуть, что, по мнению Фреге, логическим объектом является мысль, которая осуществляет связь между идеей и субъектом. Мысль как логический объект воплощается в слове. Содержание данного логического объекта зависит от контекста (места, которое слово занимает в предложении и в тексте). Это является общей чертой философии Витгенштейна и Фреге. В решении концептуальных проблем философии, они обращались к самому языку, на котором эта философия излагается. Важным здесь является не только то, *что* говорится, но и то *как*. То, как человек использует язык дает характеристику его мышления, а значит и картины мира в сознании. Гуссерль в отличие от Фреге и Витгенштейна пишет не столько о языке, сколько о сознании как имманентной данно-

сти, которая фиксирует мир. Но для Фреге, как и для Гуссерля является важным тот момент, что смысл никогда не находится в готовом виде, а требует работы сознания.

Итак, по нашему мнению, в трактовке понятия «логический объект» (т. е. мысль) важнейшим свойством является инкарнируемость смысла и его контекстуальность. При любых условиях смысл не существует в готовом виде в качестве чего-то, что может быть вписано в некие границы. Подвижность этих границ обусловлена ассоциативным характером человеческого мышления.

